

DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-5-112-123
УДК 339.9(045)
JEL F50, F51

Трансформация роли государства в международных экономических отношениях на современном этапе

Л.С. Ревенко^а, Н.С. Ревенко^б

^а МГИМО МИД России, Москва, Россия; ^б Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — трансформация роли государства в современных международных экономических отношениях в контексте их влияния на предпринимательскую деятельность. *Цель работы* — выявление основных сфер и направлений изменения роли государства во внешнеэкономической сфере под воздействием условий и факторов среднесрочного периода на основании рассмотрения геополитических, конкурентных, эпидемических причин, обуславливающих изменение условий ведения бизнеса. При обосновании усиления роли государства во внешнеэкономической сфере выделяются повышение степени внешнеполитического лоббирования экономических интересов; активизация поддержки крупных международных и региональных проектов в качестве гарантов; поддержка корпораций с государственным участием в их внешнеэкономической деятельности путем усиления инновационной компоненты; углубление участия в международных и региональных организациях; повышение внимания на формирование инвестиционного климата в стране для привлечения иностранных партнеров; усиление влияния на внешнюю сферу через реформирование промышленной и аграрной политики; обеспечение поддержки экономических агентов через перераспределение экономических ресурсов; влияние на занятость через регулирование международной миграции; перераспределение функций между государством и бизнесом в рамках международных мегапроектов. Отмечается обоюдоострый характер таких радикальных мер государственного регулирования, как санкции и контрсанкции. *Делается вывод* о формировании новой волны национального прагматизма в регуляторной деятельности государств мира во внешнеэкономической сфере, проявляющегося в усилении протекционистских тенденций при одновременном поиске взаимовыгодных форм международного экономического сотрудничества.

Ключевые слова: государство; международные экономические отношения; геополитические катаклизмы; взаимодействие государства и бизнеса; пандемия COVID-19

Для цитирования: Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Трансформация роли государства в международных экономических отношениях на современном этапе. *Экономика. Налоги. Право.* 2022;15(5):112-123. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-5-112-123

ORIGINAL PAPER

Transformation of the Role of the State in International Economic Relations at the Present Stage

L.S. Revenko^a, N.S. Revenko^b

^a MGIMO University, Moscow, Russia; ^b Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the transformation of the role of the state in current international economic relations in the context of the impact on entrepreneurial activity. *The study purpose* is to identify the main areas and vectors for changing the role of the state in the foreign economic sphere affected by conditions and factors of the medium-term period. The authors explore this issue through the prism of geopolitical, competitive, epidemic causes that cause transformational impulses of government regulation and affect the business environment. Substantiating the conclusions about the strengthening of the role of the state in the foreign economic sphere, they identify as the main vectors: increasing the degree of foreign policy lobbying of economic interests, intensifying support for major international and regional projects as a guarantor, supporting corporations with public ownership in their foreign economic activities by strengthening the innovation component, deepening participation in international and regional organizations, raising the profile of

© Ревенко Л.С., Ревенко Н.С., 2022

the investment conditions in the country to attract foreign partners, strengthening influence on the external sphere through the reform of industrial and agrarian policy, providing support to economic agents through the redistribution of economic resources, efforts to ensure international recognition of domestic products, influence on employment through the regulation of international migration, redistribution of functions between the government and business within international megaprojects. They also note the double-edged nature of such radical measures of government regulation as sanctions and counter-sanctions. The article reveals a multidirectional change in the role of the state in developed and developing countries in shaping the international environment for responding to the extreme external condition of the functioning of the global economy, i.e. the COVID-19 pandemic. *The study concludes* that a new wave of national pragmatism is being formed in the regulatory activities of the nations of the globe in the foreign economic sphere, becoming evident in the strengthening of protectionist trends, while simultaneously searching for mutually beneficial forms of international economic cooperation.

Keywords: state; international economic relations; geopolitical cataclysms; public-private relationship; COVID-19 pandemic

For citation: Revenko L.S., Revenko N.S. Transformation of the role of the state in international economic relations at the present stage. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2022;15(5):112-123. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-5-112-123

ВВЕДЕНИЕ

Начало третьего десятилетия стало периодом, ознаменованным усилением государственного вмешательства в экономическую сферу в целом и в международные экономические отношения (далее — МЭО) в частности, что в значительной степени повлияло на международную предпринимательскую деятельность. Основной причиной этих перемен является беспрецедентное сочетание условий и факторов, обусловивших внесение изменений в мировую экономику.

Государство является уникальным экономическим агентом со специфическим набором функций. Основными задачами государства в МЭО можно считать создание для хозяйствующих субъектов и предпринимателей собственной страны благоприятных условий для участия в международном разделении труда [1, с. 80] через политическое лоббирование национальных экономических интересов; участие в международных форумах и организациях; формирование и реализацию мер торговой политики в соответствии с международными правилами, но с учетом структуры, потребностей и уровня национальной экономики и предпринимательства; поддержание социальной стабильности посредством обеспечения защиты от разрушительных последствий бесконтрольной экспансии зарубежных производителей; создание привлекательного инвестиционного климата внутри страны для привлечения иностранных инвесторов; формирование положительного имиджа страны за рубежом.

Для международного предпринимательства, под которым понимается «деятельность, связанная

с перемещением ресурсов, товаров и услуг через национальные границы» [2, с. 101] для получения прибыли и удовлетворение потребностей людей в товарах, работах и услугах [3, с. 285], имеют особо важное значение все трансформационные процессы роли государства.

Традиционными формами участия государства в международных экономических отношениях являются создание нормативно-правовой базы, являющейся фактически правилами игры, для обеспечения функционирования хозяйствующих субъектов и успешной деятельности представителей бизнеса посредством принятия как мер, стимулирующих деятельность этих субъектов во внешней среде, так и введения ограничительных процедур для национальных и зарубежных структур. Кроме поддержания внешнеторгового равновесия, государство стремится обеспечивать устойчивость национальной валюты, поддерживать относительную стабилизацию цен и осуществлять контроль за выполнением установленных правил, формировать взаимодействие с бизнес-структурами.

Каждая сфера внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов рассматривается научным сообществом с точки зрения классических форм государственного регулирования [4]. Причем такой подход к МЭО не нов для научного дискурса, хотя ранее исследования были посвящены в большей степени влиянию регуляторной деятельности государства во внешнеэкономической сфере на внутренний национальный рынок. Так, эта проблема поднималась еще в 1980-е гг. в работе МакИнтайра (John R. McIntyre) [5].

И два десятилетия спустя эта тема не потеряла своей актуальности, однако в ряде работ векторы исследований начали смещаться в направлении государственного участия в регулировании международных экономических процессов, например в работе оксфордских ученых [6]. Современные исследования в большей степени сфокусированы на отдельных аспектах роли государства в современных МЭО преимущественно через призму формирования бизнес-среды [7]. Не менее активно дискутируется роль фискальных мер государственного регулирования национальной экономики в контексте их влияния на мировые процессы [8].

Таким образом, в центре внимания научной общественности находятся преимущественно аспекты взаимодействия государства и бизнеса. При этом, как справедливо отмечает А.Н. Спартак, «растущая конфликтность в международных экономических отношениях обусловила повышение интенсивности взаимодействия государства и бизнеса в предотвращении и урегулировании торговых, инвестиционных и иных коммерческих споров» [9, с. 211].

Государство может заключать посредством специально созданных корпораций внешнеторговые, инвестиционные и другие соглашения с хозяйствующими субъектами других стран, а также выступать гарантом крупных международных проектов. Еще одной традиционно важной функцией государства является осуществление валютного регулирования через центральные банки, которые вовлечены в процессы стабилизации курсов валют и балансировки перемещения валют через границы, в том числе в целях повышения стабильности деятельности компаний и отдельных предпринимателей. В последние годы все большее значение приобретает регулирование государством процессов трансграничной миграции, причем всех ее форм — от трудовой до кризисной.

Для данной работы принципиально важное значение имеет одновременное воздействие на международные экономические связи и изменение роли государства таких условий, как торговые войны, санкции и геополитические катаклизмы, характер взаимодействия государства и бизнеса.

ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ, САНКЦИИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КАТАКЛИЗМЫ

Второе десятилетие нынешнего века стало периодом новой волны торговых войн, которые приобрели в большей степени общеэкономический ха-

рактер, чем в предыдущие годы. Противостояние таких крупных игроков, как США и Китай, привело не только к перераспределению товаропотоков в мировой торговле, но к трансформации интеграционных группировок и объединений, а именно к преобразованию зоны свободной торговли НАФТА (*North American Free Trade Agreement, NAFTA*) в аналогичную структуру ЮСМКА (*United States-Mexico-Canada Agreement, USMCA*), свертыванию транстихоокеанского партнерства и другим действиям, трансформирующим МЭО [10, с. 378–379].

Одним из серьезных трансформационных импульсов регуляторной деятельности государства в рассматриваемой сфере, которые можно считать проявлением торговых противостояний или торговых войн, выступает санкционное давление одних государств на другие, являющиеся партнерами по внешнеэкономической деятельности. На всех этапах и во всех ситуациях санкционная практика государств ориентирована на снижение экономической устойчивости подсанкционных стран посредством использования их уязвимостей, в том числе в сфере экономической политики, с целью подорвать их экономическое положение, ограничивая их участие в современных МЭО.

В данной работе не предполагается проведение широкого анализа понятия «экономические санкции» через призму международного права, так как эта тема раскрыта в трудах российских ученых С.И. Долгова, Ю.А. Савинова, В.Н. Кириллова, Е.В. Тарновской [11], А.А. Мальцева [12] и других.

Под этим термином в настоящем исследовании понимается группа мер государственного регулирования, направленная на достижение своих политических задач через ограничение возможностей гармоничного функционирования подсанкционного государства во внешнеэкономической среде.

К санкционным мерам, используемым в нынешнем веке, относятся различные виды эмбарго, т.е. полные запреты на поставки или закупки каких-либо видов товаров, чаще всего продукции военно-промышленного комплекса или базовых минерально-сырьевых продуктов; заморозка зарубежных активов юридических или физических лиц; запрет на международное кредитование банков и хозяйствующих субъектов; индивидуальные ограничения для лиц, принимающих политические или экономические решения в определенных сферах.

Все эти меры в той или иной степени негативно влияют на деятельность предпринимателей, затруд-

няя, а порой делая невозможным, осуществление ими внешнеэкономических операций.

Существуют различные подходы к классификации санкций, которые носят неофициальный характер и зависят от цели исследования. Так, в работе Е.Н. Смирнова санкции ЕС в отношении России, введенные в период 2014–2022 гг., подразделяются на индивидуальные, экономические, тематические, географические [13, с. 14], а с 2022 г. — по сферам применения: финансы, промышленность и транспортные услуги, физические лица в области спорта и культуры [14, с. 26].

Набор санкционных мер укладывается в группу радикальных внешнеторговых ограничений, однако их нацеленность на решение политических проблем методами «экономического насилия» ставит под сомнение возможность количественной оценки эффективности санкций в их традиционном понимании. Разрушительные эффекты санкционной политики могут быть оценены показателями снижения темпов экономического роста подсанкционного государства, деформации отраслевой структуры ВВП, снижения уровня доходов населения, другими общими индикаторами. Однако при этом редко достигается реальная цель государственной санкционной политики, а именно выполнение изначально заявленных требований политического или военного характера. Кроме того, практически все санкционные меры, за исключением индивидуальных ограничительных мер, оказывают негативное влияние на внутри- и внешнеэкономическую деятельность стран, их вводящих. Соответственно эти явления переносятся и на мировую экономику в целом.

Россия остро ощутила эффекты от такого давления после 2014 г. Первая антироссийская санкционная волна затронула деятельность банковского сектора через череду ограничений и блокировок доступа к внешнему кредитованию. Аналогичные меры были введены также против ряда сырьевых компаний и предприятий оборонно-промышленного и энергетического комплексов, преимущественно государственных.

Достаточно жесткими стали запреты для национальных компаний США, ЕС, Австралии, Новой Зеландии, Канады на участие в совместных с Россией проектах по добыче таких полезных ископаемых, как сланцевая, арктическая и глубоководная нефть, других минерально-сырьевых ресурсов в трудно-

доступных регионах России. Санкции коснулись деятельности компаний на всех этапах реализации проектов: разведка и оценка месторождений; импорт необходимых для этой деятельности товаров, технологий и услуг; научное и кадровое обеспечение; поэтапное ограничение всех форм финансирования.

Наращивание санкций обычно не меняет цели, характера и набора инструментов, но идет по пути их интенсификации и расширения отраслевых сфер. Санкционная деятельность развитых стран против России до 2022 г. шла именно по этому сценарию: расширялся круг лиц, которым запрещается въезд в ряд государств и имущество которых могло подлежать конфискации за рубежом; вводились ограничения на ведение любых дел с юридическими лицами из соответствующих списков; расширялась практика замораживания активов; ограничивался доступ к кредитам и всем видам финансирования. В 2022 г. ограничения стали существенно жестче, значительно осложнив деятельность российского бизнеса, а многие предприниматели были включены в санкционные списки.

Обоюдоострый характер влияния санкций одних государств против других стран в последнее десятилетие зависел как от объективных законов функционирования МЭО, так и от ответных мер подсанкционных стран.

В первом случае ограничения и запреты внешнеторговых потоков повлекли переориентацию хозяйствующих субъектов на другие географические регионы, что далеко не всегда создавало возможности для обеспечения того же уровня эффективности внешнеэкономической деятельности. Этот процесс сопровождался нарушением и разрывом глобальных цепочек создания стоимости, что по многим отраслевым сегментам, например на рынке машин и оборудования, в значительной степени дестабилизировало мировую торговлю.

Неизбежным эффектом такой дестабилизации становится рост амплитуды колебаний цен, преимущественно на повышательном тренде. Ограничение доступа к внешним кредитам снижает инвестиционные возможности одних стран и уровень доходности финансовых институтов других государств. Запреты на трансграничное движение высоких технологий и результатов научных исследований тормозят развитие научно-технического прогресса в целом в мире и лишает технологической ренты обладателей этих технологий.

Во втором случае, т.е. при ответных мерах со стороны подсанкционной стороны, инициатор санкций получает набор проблем, ухудшающих его экономическое положение. В случае с антироссийскими санкциями и введением контрсанкций со стороны России в виде запрета на импорт в страну ряда товаров, прежде всего продовольственных, экспортеры из США, ЕС, других стран, введших санкции, понесли серьезные убытки вследствие потери емкого российского рынка, а их традиционные конкуренты из стран Латинской Америки, Азии, Африки приобрели долю в освободившихся нишах.

В России ответом на санкции стала политика импортозамещения, которая позволила нарастить собственное производство ряда товаров, например в аграрном секторе базовых видов продовольствия: зерновых, масличных, мясных, рыбных, в меньшей степени — овощей и фруктов. Новая доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации 2020 г., национальные проекты и другие нормативные документы наметили приоритеты в развитии в агропродовольственной сфере и определили ресурсы для достижения необходимого уровня самообеспеченности. Была реформирована транспортная, складская и во многом производственная инфраструктуры аграрных отраслей и пищевой промышленности; стали активно внедряться достижения научно-технического прогресса, в том числе цифровые технологии; в значительной степени была оптимизирована логистическая система; повысилась профессиональная культура бизнеса.

При этом успехи были достигнуты не во всех секторах экономики. Вследствие изоляции от внешнего рынка сохраняются региональная неоднородность инновационных процессов и разная инвестиционная привлекательность, сложно идет процесс обновления основного капитала, особенно в сырьевых отраслях. Одновременно в ряде стран, затронутых российскими контрсанкциями, намечилось перепроизводство товаров, традиционно поставляемых в Россию, что повлекло череду банкротств в аграрной сфере, разорение мелких товаропроизводителей, падение экспорта и в целом социальные проблемы.

Запрет на поставку продовольствия стал одной из немногих действенных мер противодействия санкциям со стороны России. При этом идеи импортозамещения формировались и до введения санкций. Можно утверждать, что они затрагивали не только агропродовольственную сферу, но и касались

производства важнейших товаров для жизнеобеспечения российских граждан.

За период реализации таких радикальных мер вмешательства государства в функционирование хозяйствующих субъектов на внешних рынках странами, попавшими под санкции, накоплен опыт реагирования и обобщены неоднозначные эффекты от принятия таких мер для экономики.

В российских научных исследованиях чаще всего эти эффекты рассматриваются на примере агропродовольственного сектора, его сырьевой и перерабатывающей составляющих. Так, в работе В.П. Оболенского отмечалось, что в этой сфере под влиянием санкций, контрсанкций и сокращения импорта, с одной стороны, создались предпосылки развития собственного производства продовольствия, а с другой — снизился уровень конкурентности и соответственно стимулов к повышению эффективности производства [14, с. 52]. Такая же картина наблюдается и в некоторых других отраслях.

На этом этапе проведения санкционной политики развитыми странами произошло смешение понимания некоторых категорий внешнеторговой политики, что требует пояснения на теоретическом уровне. Наряду с принятием политически иницируемых ограничительных мер со стороны ряда государств, нарушающих правила многосторонней торговой системы, к которым относятся санкции, активно вводятся ограничительные меры другого характера. Однако в общем потоке таких ограничений затушевывается их разная сущность.

Отдельные ограничительные действия во внешней торговле США, России, ЕС и других стран в последние десятилетия некорректно трактуются как санкции, поскольку реализуются наряду с осуществлением запретных мер. На самом деле последние базируются на законодательстве по экспортному контролю, и их следует относить к законным действиям по обеспечению безопасности, правила которых выработаны консенсусом в рамках многосторонних режимов экспортного контроля. К таким мерам можно отнести запрет на поставку за рубеж отдельных видов продукции военно-промышленного комплекса и товаров двойного применения, высокотехнологичных товаров и самих технологических решений; ограничение выдачи лицензий на экспорт; отзыв ранее выданных лицензий и ряд других мер. Эти меры затрудняют предпринимательскую деятельность, поскольку поставка контролируемых товаров и технологий возможна только на основе

положительного разрешения контролирующего органа, получение которого занимает время.

В МЭО в период после Второй мировой войны сложилась система экспортного контроля, структурно состоящая из национальных и многосторонней систем. Все развитые и многие развивающиеся страны к настоящему времени имеют национальные системы экспортного контроля. Многосторонняя система экспортного контроля на мировом уровне представлена Комитетом Цангера, известным как комитет ядерных экспортеров; Группой ядерных поставщиков; Режимом контроля за ракетными технологиями; Австралийской группой, в которой согласовываются правила экспортного контроля за товарами и технологиями, используемыми при разработке химического и биологического оружия; Вассенаарскими договоренностями по экспортному контролю за обычными вооружениями и товарами и технологиями двойного применения. Функционирование этой системы — прерогатива государств.

Современная система экспортного контроля во всех странах мира, в том числе в России, выполняет двоякую функцию. Мотивационно она ориентирована на обеспечение национальной безопасности и на нераспространение товаров, технологий и услуг, которые могут быть использованы за рубежом для производства оружия массового поражения, средств его доставки и современных обычных вооружений. По содержанию инструментария, способам реализации набора мер, характеру их закрепления в национальном законодательстве и международных соглашениях система экспортного контроля представляет собой классический комплекс нетарифных мер внешнеторгового регулирования, нацеленный на решение специфических задач.

Поскольку международная торговля высокотехнологичными товарами и технологиями является важным условием обеспечения экономического развития на глобальном и национальном уровнях, ограничения трансграничных потоков по любым причинам могут сдерживать этот процесс. Повышение степени товарной диверсификации как объективная реальность рынков высокотехнологичных продуктов приводит и будет обуславливать в дальнейшем необходимость активизации принятия мер внешнеторгового регулирования по соображениям национальной безопасности.

Эффективность мер экспортного контроля в условиях углубления научно-технического прогресса в значительной степени зависит от возможности

опережающего научного обоснования потенциальных свойств и характеристик новых продуктов (как товаров в материальной форме, так и технологий). Соответственно дополнительные ограничения со стороны группы государств во внешней торговле товарами, подлежащими экспортному контролю, тормозят научно-техническое и в целом экономическое развитие стран, в отношении которых они применяются. Они также усложняют предпринимательскую деятельность, вынуждая компании искать альтернативные источники получения необходимых товаров и технологий.

В 2022 г. экономические санкции против России в совокупности с мерами экспортного контроля приобрели беспрецедентный характер. Если санкционное давление охватывало с 2014 г. в основном финансовую, банковскую, нефтяную, газовую, военно-промышленную сферы, то в 2022 г. оно нацелено на тотальное ослабление экономической мощи России вплоть до ее разрушения. Столь радикальная трансформация роли ряда государств в системе современных МЭО должна подлежать детальному анализу с определенным временным лагом, поскольку в настоящее время практические эффекты этого явления просматриваются лишь на уровне оценок.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Трансформационный вектор роли государства в современных МЭО, касающийся проблематики, связанной с созданием благоприятных конкурентных условий для субъектов национальной экономики, затрагивает многие аспекты взаимодействия государства и бизнеса. При всем многообразии трансформационных импульсов в современных МЭО в контексте воздействия на бизнес наиболее четко в последнее десятилетие проявились тенденции к изменению роли государства, приведенные на *рисунке*.

Будучи основным субъектом мирового хозяйства, формирующим тренды развития национальной экономики во внешнеэкономической сфере, государство традиционно участвует в создании и повышении конкурентоспособности хозяйствующих субъектов и производимой продукции, осуществляет капиталовложения в объекты производственной, научной, транспортной, складской инфраструктуры,

Рис. / Fig. Направления трансформации роли государства в международных экономических отношениях / Transformation vectors of the role of the state in international economic relations

Источник / Source: составлено авторами / compiled by authors.

имеющей функциональную экспортную направленность. Напрямую через выделение бюджетных средств на науку и профессиональное образование напрямую или косвенно посредством формирования позитивного образа исследователей и национальных проектов государство поддерживает национальную научно-исследовательскую сферу, ориентированную на создание востребованных на внешних рынках продуктов.

Согласно утверждению нобелевского лауреата Д. Стиглица экономика нуждается в балансе ролей рынка и правительства [15]. От того, как именно этот баланс будет установлен, на основе какой мотивации и какими методами, зависят не только текущая роль государства в МЭО, но и среднесрочные и долгосрочные взаимодействия в этой сфере.

Такой баланс в идеальной модели должен обеспечивать оптимальное использование всех видов собственности: государственной, частной и кооперативной. Одной из наиболее распространенных форм взаимодействия государства и бизнеса можно считать государственно-частное партнерство, в том числе во внешнеэкономической сфере и международных проектах, правовые и экономические особенности которых широко рассмотрены в научной

литературе, в частности в трудах В. Варнавского, А. Зельднера, В. Мочальникова [16, 17]. В ряде исследований справедливо отмечается, что эта форма государственного воздействия на экономический механизм позволяет не только оптимизировать использование ресурсов, но и выстраивать более гибкие отношения с бизнесом [18, с. 126].

Традиционно взаимодействие государства и бизнеса рассматривается через призму механизмов государственной поддержки отраслей. В качестве основного мотива отмечается недостаточный объем финансирования главным образом малых и средних предприятий. Безусловно, данная проблема существует. Однако на современном этапе проблема такого взаимодействия сводится в большей степени к организационным и институциональным аспектам, т.е. к формированию рациональных и устойчивых связей между непосредственными производителями и государственными структурами, уполномоченными осуществлять регулирование и разрабатывать стратегию развития соответствующих отраслей.

Для представителей бизнеса крайне важно понимание того, какие цели ставит перед собой государство в международной сфере, посредством каких мер может быть обеспечено достижение поставленной

цели и какие издержки возникают для них в этой связи. Для производителей большое значение имеет наличие каналов прямой и обратной связи с государственными органами, что позволит учитывать их мнение, в частности в процессе реализации международных программ и стратегий. Взаимодействие государства и бизнеса во внешнеэкономической сфере проявляется также в развитии промышленной кооперации между странами [19, с. 330–331].

Важным вектором расширения государственного участия в повышении конкурентоспособности предприятий на внешних рынках является поддержка высокотехнологичных направлений науки и техники. Как справедливо отмечает М.В. Клинова, «при росте конкуренции на мировых рынках национальная конкурентоспособность по-прежнему определяется качеством функционирования создаваемых государством институтов в стране и успешного ее встраивания в международные экономические организации и цепочки создания стоимости. Без этого обеспечить национальную конкурентоспособность как основу повышения благосостояния, которое в свою очередь является двигателем национальной конкурентоспособности, не представляется реальным» [20, с. 154].

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПАНДЕМИИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЭО

Экономические шоки, вызванные пандемией коронавируса, также вызвали необходимость активизации государственного вмешательства во все сферы хозяйственной и социальной жизни. Хотя это вмешательство было нацелено на внутренний экономический механизм, внешние воздействия проявились весьма заметно.

Прежде всего карантинные ограничения и локдауны вводились разными государствами асинхронно и порой без взаимной координации даже в рамках интеграционных группировок, что усиливало роль национального уровня регулирования. На первом этапе пандемии коронавируса эти меры частично дестабилизировали глобальные цепи внешне-торговых поставок товаров, многие из которых не восстановились до сих пор. Активно реализовывалась поддержка цифровых инноваций и форм взаимодействия хозяйствующих субъектов как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Еще в большей степени усилия государства были нацелены на ограничение мобильности населения

по эпидемическим мотивам, усиление контроля за перемещением трудовых ресурсов, что резко изменило характер миграции, направления миграционных потоков. Результатом такой объективно вынужденной политики стала катастрофическая нехватка рабочей силы в отдельных отраслях, например, в сельском хозяйстве государств — членов Европейского союза и Канады, которые традиционно привлекают для сбора урожая сезонных рабочих из других стран.

Пандемийный период продемонстрировал несовершенство мер регулирования трансграничной миграции, что привело к выработке государствами новых подходов и механизмов приема мигрантов и беженцев. Одновременно вскрылись старые и возникли новые проблемы взаимодействия стран по этому блоку проблем.

Стремление минимизировать экономический ущерб, нанесенный пандемией коронавируса, привело к усилению мер государственного стимулирования экономики через финансовую поддержку хозяйствующих субъектов и физических лиц, а также предоставление им пакетов помощи. Согласно данным ЮНКТАД важными компонентами этих пакетов можно считать направление значительных ресурсов в конкретные сектора экономики, предоставление временной поддержки предприятиям для выплаты заработной платы или компенсаций персоналу, увеличение размера пособий по безработице и продление периодов выплат таких пособий¹. В некоторых странах государственная поддержка включала также прямые денежные переводы домашним хозяйствам.

Во всем мире государства увеличили расходы на здравоохранение. Необходимость таких решений обусловила перенос части национальных устремлений в межгосударственную сферу, в том числе в рамки международных организаций. Так, в докладе ЮНКТАД о торговле и развитии 2020 г. дискутировалась идея нового плана Маршалла по восстановлению здоровья в течение постковидной эпохи, сутью которого могло бы стать принятие объединенных мер развитых стран, необходимых для решения неотложной чрезвычайной ситуации в области здравоохранения в развивающихся странах. Важно, что государственное вмешательство в обеспечение устойчивости

¹ Trade and Development Report 2020. From Global Pandemic to Prosperity for All: Avoiding another lost Decade. Geneva: UNCTAD; 2020. P. 127. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2020_en.pdf.

Таблица / Table

Оценочный размер финансовых стимулов по минимизации экономического ущерба от COVID-19 в отдельных странах (процент от ВВП) в 2020 г. / Estimated Amount of Financial Incentives to Minimize Economic Damage from COVID-19 in Individual Countries (percent of GDP) in 2020

Страны / Countries	Государственные расходы (G) / Public expenditures (G)	Государственные переводы (T) / Public transfers (T)	G+T	Размер анонсированных мер / Amount of the announced measures
Австралия / Australia	0,1	10,0	10,2	16,1
Аргентина / Argentina	-0,5	4,1	3,3	3,8
Великобритания / United Kingdom	2,1	5,6	7,1	16,3
Германия / Germany	0,5	3,0	3,3	11,0
Индия / India	-0,9	3,4	2,4	3,3
Испания / Spain	0,2	4,7	4,9	4,1
Италия / Italy	0,5	4,9	5,4	6,8
Канада / Canada	-0,4	8,8	8,3	14,7
Мексика / Mexico	0,2	1,8	2,0	0,7
Республика Корея / Republic of Korea	-0,5	2,0	1,8	3,4
США / USA	-0,4	9,2	9,1	10,6
Турция / Turkey	-0,5	1,7	1,4	1,0
Франция / France	-0,5	4,6	3,3	7,6
ЮАР / South Africa	-0,4	4,2	4,2	5,3
Япония / Japan	0,3	7,5	8,0	15,5

Источник / Source: Trade and Development Report 2021. From Recovery to Resilience: The Development Dimension. Geneva: UNCTAD; 2021. P. 11. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2021_en.pdf.

к будущим потрясениям в области здравоохранения рассматривалось в комплексе с решением политических и социальных проблем. В этой связи еще в 2020 г. возник вопрос о необходимости сочетания международной солидарности с финансовыми обязательствами государств. Выдвигалось предположение о размере разумного пакета поддержки в 600 млрд долл. США, которые должны быть распределены в основном в виде грантов, но с учетом выделения займов с нулевой процентной ставкой².

Существенно были расширены пакеты налоговых льгот до беспрецедентно высокого уровня по масштабу и охвату субъектов с большой разницей между отдельными группами стран.

Внимание государств к пакету макроэкономических стимулов в период пандемии коронавируса и к международному варианту выработки общих направлений формирования таких стимулов во многом объясняется ситуацией, сложившейся после экономического кризиса, когда аналогичные

² Trade and Development Report 2020. From Global Pandemic to Prosperity for All: Avoiding another lost Decade. Geneva:

UNCTAD; 2020. P. 127. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2020_en.pdf.

меры были предложены G20 в 2009 г. Обосновывая потенциальную эффективность такой стратегии, в Конвенции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) ссылаются на известный доклад под руководством Нобелевского лауреата Джозефа Стиглица этого периода по реформированию финансовой системы мира³. В дальнейшем в русле такого реформирования усилия научного сообщества были направлены на поиски путей оптимизации инвестирования в общественно значимые проекты, в том числе в период пандемии коронавируса [21].

Пандемия коронавируса усилила внимание государств к правилам многосторонней торговой системы в контексте временного упразднения некоторых из них, особенно связанных с правами интеллектуальной собственности на вакцины и медицинские препараты и оборудование, а также технологии их производства. Это достаточно противоречивая, конфликтная и спорная тематика международного экономического взаимодействия государств, не получившая до настоящего времени своего разрешения.

В целом же пандемия коронавируса по-разному повлияла на роль государства в МЭО, породив разнонаправленные тенденции. В развитых странах, обладающих необходимыми экономическими и технологическими возможностями, именно государство взяло на себя большую часть бремени по ликвидации пандемии коронавируса. В 2021 г. ЮНКТАД обозначила прогнозный сценарий, по которому в краткосрочной перспективе до 2025 г. только из-за невозможности реализовать программы вакцинации развивающиеся страны потеря-

ют 1,5 трлн долл. США, а в целом станут беднее на 12 трлн долл. США⁴.

ВЫВОДЫ

На протяжении последних двух десятилетий государство как институт все более активно участвовало в МЭО. Начиная с 2020 г. под влиянием конфронтационных геополитических импульсов и беспрецедентной пандемии COVID-19 наметилось усиление роли государства в рассматриваемой сфере с явно выраженной протекционистской компонентой. Национальный прагматизм обозначился как явно выраженная мотивация регуляторной деятельности государства во внешнеэкономической сфере.

Регулирующая роль государства все чаще стала проявляться в формах, не свойственных ему ранее: от физического ограничения перемещения товаров, услуг, рабочей силы до введения жестких санкционных ограничений и запрета сотрудничества во внешнеэкономической сфере с хозяйствующими субъектами других стран. Причины таких отхождений от установившихся до 2020 г. принципов участия государств в МЭО сгруппированы вокруг трех основных мотиваций: геополитической, конкурентной, эпидемической.

Встречной тенденцией по отношению к национальному прагматизму в условиях усиления геополитических конфронтаций стала жизненно важная необходимость совместного решения глобальных экономических проблем, которые требуют межгосударственного регулирования. К их числу можно отнести устойчивость развития, продовольственную безопасность, противодействие эпидемиям, миграционные кризисы. Даже при острейших современных политических противоречиях и противостояниях роль государства в решении этих экономических и цивилизационных задач будет только возрастать.

³ Stiglitz J., Bougrov A., Boutros-Ghali Y., Fitoussi J. P., Goodhart C.A., Johnson R. Report of the Commission of Experts of the President of the United Nations General Assembly on Reforms of the International Monetary and Financial System, Interim draft. New York, NY: United Nations; 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/229071269_Report_of_the_Commission_of_Experts_of_the_President_of_the_United_Nations_General_Assembly_on_Reforms_of_the_International_Monetary_and_Financial_System_Interim_Draft.

⁴ ЮНКТАД: желтый знак тревоги о пост-кризисной реконструкции. Пресс-релиз ЮНКТАД. URL: https://unctad.org/system/files/press-material/PR_21028_ru_TDR_21_1.pdf.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Чертопьятов А.М. Роль государства в регулировании предпринимательской деятельности в Российской Федерации. М.: ПАЛЕОТИП; 2014. 100 с.
Chertopyatov A.M. A Role of the state in adjusting entrepreneurial activity in the Russian Federation. Moscow: PALEOTIP; 2014. 100 p. (In Russ.).
2. Кожина В.О., Завалько Н.А. Предпринимательство: международный аспект. *Инновации и инвестиции*. 2017;12:101–103.

- Kozhina V.O., Zaval'ko N.A. Entrepreneurship: an international aspect. *Innovatsii i investitsii = Innovations and Investment*. 2017;12:101–103. (In Russ.).
3. Ильин А.Б. Международное предпринимательство в автомобильном спорте. *Экономика и предпринимательство*. 2016;10(2):285–289.
Ilin A.B. The international entrepreneurship in motorsports. *Ekonomika i predprinimatelstvo = Economics and Entrepreneurship*. 2016;10(2):285–289. (In Russ.).
 4. Asyaeva E.A., Rustem A. Shichiyakh R.A., Petrov I.V., Dovtaev S-A.S., Listopad E.E. External economic activity of enterprises: competitive advantages, state regulation. *Revista Espacios*. 2018;39(1):1.
 5. McIntyre J.R. The role of state governments as international economic actors. *Southern Review of Public Administration*. 1983;6(4):465–488.
 6. Kwakwa E. Regulating the international economy: what role for the state? In: Byers M. The role of law in international politics: essays in international relations and international law. Oxford, New York: Oxford University Press; 2001. 354 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199244027.003.0012
 7. Hulleman W., Marijs A.J. Economics and business environment. London: Routledge; 2021. 392 p. DOI: 10.4324/9781003194989
 8. Ott A.F., Bissessar N. The nation state in the global economy. *Athens Journal of Business & Economics*. 2020;6(1):9–20.
 9. Спартак А.Н. Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России. М.: ВАВТ / Издательство ИКАР, 2018. 456 с.
Spartak A.N. Current transformation processes in international trade and russia's interests. Moscow: VAVT; IKAR Publishing House; 2018. 456 p. (In Russ.).
 10. Шаклеина Т.А., Байков А.А., ред. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Монография. М.: Издательство «Аспект Пресс»; 2021. 528 с.
Shakleina T.A., Baikov A.A. eds. Megatrends: The Main trajectories of the evolution of the global order in the 21st century. Monograph. Moscow: Aspekt-Press Publishing House; 2021. 528 p. (In Russ.).
 11. Долгов С.И., Савинов Ю.А., Кириллов В.Н., Тарновская Е.В. Возможности противодействия санкциям в международной торговле. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022;4:36–54. DOI: 10.24412/2072–8042–2022–4–36–54
Dolgov S.I., Savinov Yu.A., Kirillov V.N., Tarnovskaya E.V. Russia's potential to confront sanctions in international trade. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*. 2022;4:36–54. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072–8042–2022–4–36–54
 12. Мальцев А.А. Санкции: стресс-тест на устойчивость российской промышленности на примере Урала. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022;4:55–74. DOI: 10.24412/2072–8042–2022–4–55–74
Maltsev A.A. Sanctions: stress test of russia's industrial sector (The Ural Case). *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*. 2022;4:55–74. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072–8042–2022–4–55–74
 13. Смирнов Е.Н. Эволюция международной практики применения антироссийских экономических санкций. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022;4:7–35. DOI: 10.24412/2072–8042–2022–4–7–35
Smirnov E.N. The evolution of international sanctions against russia. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*. 2022;4:7–35. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072–8042–2022–4–7–35
 14. Оболенский В.П. Эффекты продовольственного эмбарго. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2019;2:49–58. DOI: 10.24411/2072–8042–2019–00026
Obolenskii V.P. Food embargo effects. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*. 2019;2:49–58. (In Russ.) DOI: 10.24411/2072–8042–2019–00026
 15. Стиглиц Д. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: ЭКСМО; 2011. 512 с.
Stiglitz J. Freefall: america, free markets, and the sinking of the world economy. Moscow: EKSMO; 2011. 512 p. (In Russ.).
 16. Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство. В 2-х т. М.: ИМЭМО РАН; 2009. 312 с. Т. 1.
Varnavsky V.G. Public-private partnership. In 2 vol. Moscow: IMEMO RAN; 2009. 312 p. Vol. 1. (In Russ.).

17. Варнавский В.Г., Зельднер А.Г., Мочальников В.Н., Сильвестров С.Н., ред. Основы государственно-частного партнерства (теория, методология, практика). Монография. М.: Анкил; 2015. 252 с.
Varnavsky V. G., Zeldner A. G., Mochalnikov V. N., Si'vestrov S. N., eds. Fundamentals of public-private partnership (theory, methodology, practice). Monograph. Moscow: Ankil; 2015. 252 p.
18. Филиппов Д.А. Государственно-частное партнерство как элемент новой смешанной формы собственности, бизнеса, смешанной экономики. *РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция*. 2017;124–126.
Filippov D.A. Public-private partnership as an element of a new mixed form of ownership, business, a mixed economy. *RISK: Resursy, Informatsiia, Snabzhenie, Konkurentsii* = *RISK: Resources, Information, Supply, Competition*. 2017;124–126. (In Russ.).
19. Исаченко Т.М., Ревенко Л.С., ред. Новая парадигма развития международных экономических отношений: вызовы и перспективы для России. Монография. М.: МГИМО-Университет; 2022. 403 с.
Isacheenko T. M., Revenko L. S., eds. A new paradigm for the development of international economic relations: challenges and prospects for Russia. Monograph. Moscow: MGIMO University; 2022. 403 p.
20. Клинова М.В. Государство и национальная конкурентоспособность (на примере ЕС). *Вопросы экономики*. 2020;8:146–158. DOI: 10.32609/0042–8736–2020–8–146–158
Klinova M. V. The state and national competitiveness (the case of EU). *Voprosy ekonomiki*. 2020;8:146–158. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2020–8–146–158
21. Перская В.В. Государство как институт инициации развития при восстановлении экономики в постпандемный период. *Экономика. Налоги. Право*. 2022;15(1):142–154. DOI: 10.26794/1999–849x-2022–15–1–142–154
Perskaya V. V. The state as an institution for initiating development during economic recovery in the post-pandemic period. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* = *Economics, taxes & law*. 2022;15(1):142–154. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849x-2022–15–1–142–154

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Лилия Сергеевна Ревенко — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Lilia S. Revenko — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of International Economic Relations and Foreign Economic Relations named after N.N. Liventsev, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1519-1183>

l.revenko@inno.mgimo.ru

Николай Сергеевич Ревенко — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Nikolay S. Revenko — Cand. Sci. (Pol.), Leading Researcher at the Institute of International Economic Relations Research, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-0359-5201>

reni100@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 28.06.2022; принята к публикации 10.09.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 28.06.2022; accepted for publication 10.09.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.